

Дискурс о патриотизме в советском историческом образовании послевоенного периода

Тихомиров Никита Вадимович

кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения,
Российский государственный гуманитарный университет.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса становления и реализации патриотического дискурса в контексте образовательной и просветительской деятельности советского государства конца 1930-х – начала 1950-х гг. Проанализированы закономерности складывания идейного концепта «советский патриотизм» как одного из ключевых элементов в системе советской пропаганды и агитации в указанный период. Актуальность исследования обусловлена устойчиво высоким интересом со стороны научных кругов и общественности к истории эпохи сталинизма. Кроме того, особую остроту обретает проблема патриотического воспитания в условиях современности, что даёт основания для внимательного изучения опыта прошлого и делает его востребованным в текущих условиях. Основу источниковой базы составили архивные материалы, раскрывающие содержание и внутреннюю логику работы советских историков и методистов, участвовавших в организации учебной, воспитательной и просветительской деятельности в послевоенное время. Показаны предпосылки интеграции патриотической тематики в структуру политического дискурса, а также научную и образовательную сферы. Выявлены ключевые задачи, решавшиеся советским руководством при обращении к патриотической тематике. Прослежены семантические изменения в официальном дискурсе о советском патриотизме в период послевоенного развития СССР. Раскрыты закономерности формирования смысловой и содержательной наполненности понятия «советский патриотизм». Сделаны выводы о целях и способах актуализации патриотической риторики в сфере образования и просвещения. Результаты исследования призваны углубить и уточнить существующие научные представления об идейно-воспитательной политике советского государства сталинского периода и могут быть использованы в научной, методической, просветительской работе.

Ключевые слова: идеология, И. В. Сталин, историческое образование, пропаганда, советский патриотизм.

В центре рассмотрения находится один из коренных элементов советской системы пропаганды – концепт советского патриотизма. Формат статьи не позволяет представить во всей полноте функционирование дискурса о патриотизме в советском обществе. Это требовало бы как досконального анализа понятия советского патриотизма, так и подробного исследования идейного контекста его актуализации. Такая задача отчасти решена в ряде современных исследований [5; 25], позволяющих составить представление об особенностях советской гуманитарной политики. Мы же, обращаясь к более узкой тематике, намерены показать, как происходило преломление комплекса патриотических представлений в системе советского народного просвещения.

Проблема исследования распадается на два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, когда и почему тема советского патриотизма была введена сообществом историков и методистов в структуру представлений о функциях исторического образования в СССР? Во-вторых, каким образом названная тема была актуализована в научных публикациях и установочных документах, относящихся к организации системы исторического образования? Поставленные вопросы определяют хронологические рамки анализа. Нижней временной границей для нас является конец 1930-х гг. – это время оформившегося идейного поворота в политике партийно-государственного руководства, когда патриотическая риторика была возвращена в систему политической пропаганды. Верхняя временная граница относится к исходу 1940-х – началу 1950-х гг. Это период послевоенного восстановления страны, осознания новых внешних вызовов и связанного с этим стремления закрепить и усилить патриотические установки в системе идейной мотивации населения. На годы позднего сталинизма приходится завершение процесса концептуального оформления советского патриотизма как составной части смыслового ядра советской культуры.

Итак, объектом анализа выступает дискурс о советском патриотизме конца 1930-х – начала 1950-х гг., предметом являются особенности встраивания данного дискурса в систему исторического образования СССР.

В функциональном отношении патриотизм как смысловой конструкт служит обеспечению двух взаимосвязанных направлений в деятельности государства. Во-первых, определяет содержание воспитательной работы, создающей возможности для массовой идейно-нравственной мобилизации общества. Во-вторых, задаёт условия и характер целеполагания и постановки рабочих задач в деле принятия управленческих решений.

Отношение большевистского руководства к патриотической тематике в эпоху советской культурной революции было откровенно враждебным. Начавшаяся в 1929 г. эпоха «великого перелома» не принесла поначалу заметных изменений. Примечательно выступление И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б), проходившем в январе–феврале 1934 г. В своём докладе он остановился на проблемах идейно-политического руководства и указал в качестве насущных задач преодоление пережитков чуждой «буржуазной» идеологии, усиление теоретической подготовки членов партии, борьбу с «национал-уклонистами всякого рода» [3, с. 28]. Звучавшие заявления выражали озабоченность низким уровнем социалистической грамотности ответственных руководителей и рядовых членов партии. Недовольство Сталина вызывало идейное нестроение в рядах партии, что, по его мнению, препятствовало успешному проведению в жизнь масштабных социально-экономических мероприятий. «Остатки идеологии разбитых антипартийных групп имеют довольно большую живучесть» [3, с. 30], – констатировал он. Главной задачей на фронте идейно-политической работы советский руководитель видел изживание чуждых марксизму-ленинизму течений. Таким образом, для высшего партийно-государственного руководства содержанием политической повестки середины 1930-х гг. оставалась борьба за чистоту господствующей идеологии. Соответствующие установки проецировались на работу профессионального сообщества учёных-историков, методистов и преподавателей.

Примечательно, что проблема патриотизма не артикулировалась делегатами партсъезда в 1934 г. и не была заявлена в числе ведущих направлений идейно-просветительской работы. О патриотизме как таковом в ходе выступлений было упомянуто лишь несколько раз, причём в контексте критики зарубежных буржуазных обществ [3, с. 330, 346, 349].

Причину пренебрежения патриотической тематикой на официальном уровне в это время раскрыл М. И. Калинин в докладе, сделанном 2 октября 1940 г. на собрании московского партактива. Председатель Президиума ВС СССР отметил, что до революции слово «патриотизм» широко использовали различные реакционные круги, отчего слово «поганилось», и «наиболее честные люди», усматривая в нём «национальный шовинизм», считали невозможным причислить себя к патриотам [13, с. 71–72]. Соответствующие установки были восприняты и усвоены представителями гуманитарной науки, в частности сообществом историков – учёных и преподавателей. Вектор просветительской работы государства в середине 1930-х гг. был направлен к формированию в массовом сознании единой системы выверенных марксистско-ленинских представлений, последовательную дискредитацию и устранение изо всех сфер общественной жизни признанных идейно вредными положений. Такая повестка закономерно была подхвачена учёными и педагогами. Важно помнить, что многие крупные историки – организаторы науки и системы образования, в особенности представители нового поколения историков-марксистов, понимали свою деятельность как строго подчинённую политической целесообразности [2, ф. 2306, оп. 70, д. 3510, л. 45].

Так, в начале 1935 г. руководство курсов усовершенствования преподавателей-историков средней школы при МГУ разослало слушателям методическое письмо, в котором разъясняло ключевые задачи предстоящего обучения: «В результате изучения курса заочник должен отчётливо представлять себе причины, ход и следствия Октябрьской социалистической революции, почему Октябрь победил в первую очередь в России, содержание и мировое значение социалистического строительства» [2, ф. 2306, оп. 70, д. 3510, л. 41]. В духе сталинских формулировок, озвученных на последнем партийном съезде, авторы письма призывали учителей уделять особое внимание борьбе партии с «различными оппортунистическими течениями и контрреволюционным троцкизмом» [2, ф. 2306, оп. 70, д. 3510, л. 41 об. – 42].

Таким образом, идеалы патриотизма, будучи дискредитированными на высшем государственном уровне, оказались невостребованными и в системе советского образования. Из-

менения в содержании гуманитарной политики обозначились к исходу 1930-х гг. Знаменательным стал пересмотр подхода к содержанию исторического образования, вылившийся в разработку новой концепции истории СССР, в официальной риторике появились тезисы о величии русского народа, его исторической роли. В новых условиях идея патриотизма была постепенно реабилитирована. Подспудно была разработана теоретическая схема, различавшая две качественно противоположные формы патриотизма: буржуазную и советскую [1, ф. 32, оп. 2, д. 493, л. 4]. Так удалось, с одной стороны, избежать противоречия, вызванного простым восстановлением опороченного ранее понятия, а с другой стороны, показать преемственность и развитие идейной надстройки в духе диалектического учения.

Ощутимое и порой решающее влияние на учёное сообщество оказывали новации в политической сфере. Показательны формулировки, содержащиеся в докладах XVIII съезда ВКП(б) 10–21 марта 1939 г. В докладе Сталина прозвучали слова о советском патриотизме как движущей силе советского общества [4, с. 26], его «развитие и культивирование» было названо задачей партии во внутренней политике. К идее советского патриотизма в этот раз обращались и такие деятели, как Е. М. Ярославский, Л. П. Берия, Н. М. Шверник, К. Е. Ворошилов, Л. З. Мехлис.

Таким образом, указанный концепт прочно вошёл в политическое сознание государственных функционеров. Заметно его влияние и на сферу пропагандистской деятельности. В исходе 1930-х гг. увидели свет книги популярной направленности, призванные распространить патриотическую повестку в массовом сознании [9; 26]. Те же тенденции затронули историческое образование, прежде всего, наиболее массовое его звено – среднюю школу. Тема патриотизма получила развитие в школьном учебнике, подготовленном группой видных советских историков и выпущенном весной 1941 г. Так, «пылким патриотом своей родины» в нём назван автор «Слова о полку Игореве» [11, с. 52]. Как фактор преодоления Смуты начала XVII в. объявлено «патриотическое движение против поляков» [11, с. 162], а решающей причиной победы русской армии в войне 1812 г. – «общий подъём народного патриотизма в России» [11, с. 318].

Тезисы нового содержания появляются в периодической печати. Так, статья в журнале «Большевик» середины 1937 г. характеризовала школьный учебник для младших классов как «пронизанный духом советского патриотизма» [15, с. 24]. Это позволяет говорить об успешной рецепции советским историческим сообществом заданного «сверху» идейного посыла, его встраивании в систему профессионального мировоззрения. Закрепление патриотической дискурсивной практики происходило в военную пору, «подъём патриотической риторики накануне и в годы Великой Отечественной войны оказал мощное воздействие на идейно-воспитательную политику государства, а через неё – на сферу научной работы» [23, с. 125]. В разгар боёв под Москвой М. И. Калинин в речи, произнесённой перед представителями комсомола, указывал, что «проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории своего народа» [13, с. 83–84].

Остро возникшая потребность в идейной мобилизации подстегнула перестройку теоретических установок в области образования и просвещения и соответствующей системы нормативных высказываний. «Никогда роль советского учительства не была так велика и ответственна, как в настоящее время» [19, с. 3], – писали в 1942 г. авторы методического пособия для учителей. Тогда же А. М. Панкратова, крупный историк и организатор образования, чётко сформулировала главнейшую задачу советской педагогики: «Воспитание в миллионных массах подрастающей молодёжи чувства советского патриотизма» [17, с. 145].

И. В. Сталин в публичных выступлениях военного времени поднял идею патриотизма на качественно новый уровень, сообщив ей дополнительную смысловую насыщенность. В 1944 г. он объявил, что подвиги советских людей в тылу и на фронте «имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм» [22, с. 146]. Учитывая скрупулёзность Сталина в деле идеологической риторики, можно утверждать, что появление в его речи нового торжественного эпитета свидетельствует о возросшем внимании к патриотической тематике и её конкретному содержанию. Развивая мысль, вождь указывал, что «в советском патриотизме гармонично сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» [22, с. 146].

Завершение войны и переход к мирной жизни не упразднили патриотическую повестку. Напротив, послевоенное время знаменуется усложнением дискурса об отношениях гражданина с Родиной. В период позднего сталинизма закрепляются и риторически совершенству-

ются соответствующие дискурсивные практики. Продолжается теоретическое осмысление понятия «советский патриотизм» и творческое развитие связанных с ним представлений. Показательным является труд популярно-просветительской направленности «Наша великая Родина» (1946). Авторский коллектив составили крупные советские историки и организаторы науки: А. М. Панкратова, И. И. Минц, А. Л. Сидоров и др. Дело патриотического воспитания советских граждан оказалось поставлено на прочную академическую основу.

Указанный труд представлял собой короткий обзор истории СССР, поданной как прогрессивное развитие народов страны во главе с великим русским народом. Вехи прошлого живописались высокопарным слогом, характеристикой ряда выдающихся деятелей разных времён служила их любовь к Отечеству. Даже события октября 1917 г. получили патриотическое измерение [16, с. 301], а большевики были названы «пламенными патриотами своего отечества» [16, с. 330]. Вообразить подобные трактовки в литературе 1920-х – 1930-х гг. решительно невозможно.

Книга учила, что советский патриотизм есть «сила совсем особенная, не знающая себе равных в других странах, у других народов» [16, с. 492]. Авторы использовали разнообразные риторические конструкты, не свойственные в основном довоенным дискурсивным практикам, как-то: «патриотический подъём», «патриотический долг», «патриотическое движение» и т. д. Понятия «родина» и «отечество» были употреблены в тексте многократно и в различных контекстах. Таким образом, патриотическая тематика была не только гармонично вписана в систему государственной пропаганды, но и получила развитие в рамках идейно-просветительских мероприятий, призванных транслировать заданные смыслы на предельно широкую аудиторию.

Переход СССР к мирной жизни потребовал переосмысления целей и задач агитационно-пропагандистской работы. В условиях войны установка на привитие молодёжи патриотического сознания была подчинена прежде всего задаче мобилизации общества на борьбу с вооружёнными захватчиками. Идеологическая работа была направлена к тому, чтобы насадить в обществе «уверенность в конечной победе великого советского народа» [17, с. 145] в тяжелейшем противостоянии. Актуализация патриотической темы в послевоенное время была обусловлена уже иными задачами, относящимися к области мирного строительства и невоенного противодействия внешнеполитическим соперникам в лице стран империалистического лагеря. 18 апреля 1947 г. Агитпропом ЦК ВКП(б) был утверждён план мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Среди соображений, которыми следует руководствоваться при ведении такой работы, было названо следующее: «Показывая величие нашей социалистической родины, героического советского народа, необходимо в то же время разъяснять, что наш народ вправе гордиться и своим великим историческим прошлым» [21, с. 112]. Последующие годы ознаменованы чередой массовых пропагандистских мероприятий патриотической направленности.

Постепенно происходило расширение и уточнение понятия «советский патриотизм» с учётом понимания политическим руководством актуальных задач и вызовов, стоявших перед страной. Осознание роста международной напряженности в связи с разворачиванием холодной войны подсказывало усилить традиционный для советской пропаганды посыл о превосходстве социалистического строя и важности его укрепления стараниями каждого сознательного человека. В качестве дополнительного нравственного основания для подкрепления такой установки всё шире привлекалась патриотическая фразеология. Так, в 1948 г. состоялась публичная лекция А. И. Соболева «О советском патриотизме», который был определён как «глубоко сознательный», в основе которого «лежит понимание превосходства советского общественного и государственного строя над любым другим» [20, с. 18].

Примеры проявления патриотизма широко подыскивались в области мирного строительства. Так, в мае 1950 г. газета «Правда» назвала «могучей демонстрацией советского патриотизма» подписку населения на очередной государственный заём (т. н. заём восстановления и развития народного хозяйства) [18, с. 1]. А газета «Знамя коммунизма» в августе 1952 г. писала об «огромном патриотическом подъёме трудящихся монтажной конторы», решивших ознаменовать открытие XIX съезда коммунистической партии «новыми трудовыми успехами» [10, с. 4].

В текущих исторических условиях советская система образования закономерно становилась одним из инструментов насаждения патриотически ориентированного мировоззрения. В особенности это относится к школьному историческому образованию как основному

агенту формирования массовых представлений о прошлом и месте советского общества во всемирно-историческом процессе. Перед авторами школьных учебников по истории СССР стояла задача «воспитания гражданского патриотизма, основанного на целостном понимании прошлого как непрерывного процесса, определяющего содержание исторической памяти современных поколений» [23, с. 179].

В 1950 г. научный сотрудник Академии педагогических наук РСФСР Л. П. Бущик отмечал, что историческое образование развивается «в условиях чрезвычайного обострения противоречий между империалистическим и антиимпериалистическим лагерем» [1, ф. 32, оп. 2, д. 478, л. 3], что требует значительного повышения идейно-политического уровня преподавания общественных наук, и прежде всего истории. Такое понимание момента, общее для политического руководства СССР и научно-педагогического сообщества, предполагало усовершенствование идейно-нравственных оснований для мобилизации советского общества с целью обеспечения его социально-экономического и духовного благополучия. В этой же связи указывала на «огромное идейно-воспитательное значение истории» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 3] и А. М. Панкратова, которая подчёркивала приоритетность подготовки советских патриотов, «полных решимости защищать свой советский общественный и государственный строй», будучи носителями «высокой идейности и убеждённости в великой исторической правде марксизма-ленинизма» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 20].

Особенно выпукло представления о советском патриотизме проявились в публичном дискурсе периода кампании по борьбе с космополитизмом, явившейся «наиболее агрессивной идеологической кампанией послевоенного времени» [24, с. 123]. Названная борьба ожидаемо нашла отражение в научно-просветительской деятельности, получив продолжение в работе теоретиков и методистов, обеспечивавших школьное историческое образование. В 1948 г. член-корреспондент АПН РСФСР, автор учебников по новой истории профессор А. В. Ефимов определял историю как «один из основных общеобразовательных предметов, к тому же предмет, имеющий наибольшее значение для выработки мировоззрения» [1, ф. 32, оп. 2, д. 493, л. 3]. В связи с этим учёный предлагал подойти к раскрытию сущности советского патриотизма «используя конкретные исторические примеры» [1, ф. 32, оп. 2, д. 493, л. 5], тем более что в лоно исторической памяти уже к началу 1940-х гг. были возвращены видные деятели дореволюционного прошлого. А. М. Панкратова так оценивала вновь обретенных героев: «Мы можем и должны называть патриотами своей Родины тех из наших далёких предков, которые всей своей деятельностью способствовали прогрессивному развитию нашего народа <...> великих полководцев Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, которые мужественно и стойко защищали русскую землю» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 23] <...> государственных деятелей, как Иван Грозный и Пётр Великий, которые понимали прогрессивные исторические задачи развития нашей страны и последовательно боролись за их осуществление» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 24].

Эти послы нашли отражение в опорной документации, служащей организации школьного преподавания. В объяснительной записке к программе по истории СССР (1948), разработанной в ИМО АПН РСФСР, подчёркивалось, что изучение прогрессивной роли исторических деятелей имеет не только образовательное, но и воспитательное значение: «На показе наших великих предков <...> мы должны воспитывать учащихся в духе беззаветного служения народу, прививать им черты и качества советских патриотов» [1, ф. 32, оп. 2, д. 1439, л. 3].

В августе 1949 г. Л. П. Бущик, выступая в лектории АПН РСФСР, призывал советских учителей разоблачать «безродный буржуазный космополитизм как антипатриотическую идеологию» [1, ф. 32, оп. 2, д. 477, л. 4], воспитывая учащихся в духе «советской национальной гордости» и «животворного советского патриотизма» [1, ф. 32, оп. 2, д. 477, л. 5]. Эта сталинская формулировка позднего военного времени прочно вошла в арсенал руководителей советской пропаганды и просвещения. Показательно её появление в объяснительной записке к программе по истории СССР для средней школы (1951). Согласно документу, история как школьный учебный предмет играет ведущую роль «в воспитании будущих борцов за коммунизм в духе животворного советского патриотизма, в духе беззаветной преданности нашей советской Родине» [1, ф. 32, оп. 2, д. 1443, л. 2]. По мысли составителей программы, изучение истории, во-первых, «даёт учащимся знание важнейших фактов»; во-вторых, «формирует сознание неизмеримого превосходства социалистического строя над строем капиталистическим»; в-третьих, «содействует воспитанию советского патриотизма и советской национальной гордости» [1, ф. 32, оп. 2, д. 1443, л. 27]. С ещё большей остротой вопрос о патриотическом

воспитании был поставлен в методическом пособии для учителей истории за авторством В. Г. Карцова. Автор указывал: «Первой и основной задачей, разрешению которой должен быть посвящён буквально весь курс, все его темы и уроки, – является воспитание советского патриотизма, беззаветной любви к социалистической родине, к своему народу; воспитание чувства гордости за свой народ, чувства ненависти ко всем его врагам <...> преданности делу Ленина-Сталина» [14, с. 5].

Данные тезисы закономерно нашли отражение в содержании послевоенных учебников по отечественной истории. Учебная литература последовательно воспроизводила идейные установки, насаждавшиеся государственной пропагандой и отражавшиеся в периодической печати (см. выше). Таков учебник для 10-го класса по истории СССР под редакцией А. М. Панкратовой. Авторы стремились обнаружить патриотическое измерение в деле послевоенного гражданского строительства: «в 1948 г. в СССР развернулось патриотическое движение за сверхплановые накопления», которое «приобрело общенародное значение» [12, с. 409]. Также книга рассказывала о разоблачении «антипатриотической группы безродных космополитов в критике, литературе, искусстве и науке» [12, с. 413]. Появилась в тексте и упомянутая выше формула «животворный советский патриотизм» [12, с. 415].

До закрепления в чётких дискурсивных формах идея советского патриотизма во многом оставалась вещью в себе. Таковой она представляется в официальной риторике 1930-х гг. Высказывания более позднего времени, когда высокие руководители деятельно развивали патриотическую тему, её центральное понятие всё ещё употреблялось и, соответственно, воспринималось по наитию, как нечто само собою понятное и не требующее развёрнутого толкования.

Широкое и систематическое использование патриотической риторики в официальном политическом дискурсе, а равно образовательной практике закономерно потребовало теоретического осмысления понятия «патриотизм» с его последующей формализацией на словарно-энциклопедическом уровне. В связи с этим интересно обратиться к опыту главной энциклопедии СССР – Большой советской энциклопедии. Первое издание (1926–1947) не содержало специальной статьи, посвящённой патриотизму, хотя данное понятие было многократно употреблено в очерке «Родина», написанном П. Е. Вышинским. Автор указывал, что «Советский патриотизм, любовь к родине, чувство ответственности каждого за страну социализма стали неотъемлемыми чертами нового, социалистического сознания трудящихся СССР» [6, стб. 49–50]. При этом строгого определения понятию «патриотизм» дано не было.

Во втором издании БСЭ положение коренным образом изменилось: появились сразу две статьи, посвящённые патриотизму как таковому и отдельно – советскому патриотизму. В томе 32 (1955) разъяснялось значение понятия «патриотизм» как «любовь к родине, Отечеству и своему народу, к лучшим национальным традициям, “одно из наиболее глубоких чувств, закреплённых веками и тысячелетиями обособленных Отецеств” (Ленин В. И.)» [7, с. 236]. В томе 39 (1956) дано следующее толкование советского патриотизма: «безграничная преданность советских людей советскому общественному и государственному строю, своему социалистическому отечеству, делу коммунизма; патриотизм нового, высшего типа, одна из движущих сил развития советского социалистического общества» [8, с. 486].

Характерна эмоциональная наполненность формулировок, сообщающая статьям до некоторой степени пропагандистский характер, что в целом типично для рассматриваемой эпохи.

Примечательно, что в крупнейшем энциклопедическом издании дореволюционной России – словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона – слова «патриотизм» и «родина» не получили собственных статей. Это можно объяснить несколькими взаимосвязанными причинами. Включение некоторого понятия из области гуманитарных представлений в энциклопедическое издание общенационального формата предполагает признание его высокой значимости для общества в целом. Актуализация патриотической повестки в национальном масштабе требует государственного почину и является в значительной мере областью государственной же ответственности. Это предполагает существование в том или ином виде развитой сферы массовой политики, что в Российской империи имело место лишь в зачатках. Далее, массовая политика государства предполагает систематические мероприятия в области управления культурой, формирования корпуса идейно-политических представлений и деятельное внедрение его в общественное сознание. Российская история до большевистской революции знает примеры широкой мобилизации населения, как правило, в связи с военной угрозой, вроде наполеоновского вторжения или Первой мировой войны. Однако развёрнутые в этой связи агитационно-пропагандистские мероприятия со стороны царского правительства носили

чрезвычайный характер и не являлись логическим продолжением политики мирного времени. Наконец, немалую роль в деле насаждения патриотического дискурса имеет наличие у государства возможности контроля над сферой народного образования и средствами массовой информации в широком смысле, включая книгоиздательскую деятельность.

Огосударствление общественных отношений было для пришедших в 1917 г. ко власти революционеров не целью, но средством осуществления масштабного замысла социально-экономического переустройства страны. Выстроенная система государственной пропаганды в СССР служила идейным камертоном всем сферам общественной деятельности, включая народное образование. Забвение патриотической тематики сообществом историков явилось производной от отношения к ней высшего политического руководства, выказывавшего в этом вопросе решительное отторжение пережиткам «буржуазного» мышления.

Возврат к патриотическому дискурсу был связан с попыткой советского государства освоить его как орудие массовой политики, для чего потребовалось новое осмысление и концептуализация любви к Отечеству. Таким образом, в конце 1930-х гг. понятие патриотизма было очищено от отрицательных коннотаций и восстановлено в поле идейно-политической риторики. На протяжении военных и послевоенных лет функциональность его использования расширилась: патриотические сюжеты вошли в ядро советской идеологии, обрели орудийную значимость в управлении общественным сознанием, формировании идентичности десятков миллионов людей, не в последнюю очередь – посредством школьного образования.

Впервые в российской истории патриотизм обрёл значение общенациональной идеи, сделавшись достоянием массовой культуры, получив мощную опору в мероприятиях государственной пропаганды. Патриотические сюжеты вошли в структуру идейно-воспитательных практик, стали неотъемлемой частью системы народного просвещения. Важно подчеркнуть, что дискурс о советском патриотизме и национальной гордости в изводе 1930-х – начале 1950-х гг. не был выхолощенной обрядностью. Высказывания об идейно-политическом воспитании молодёжи не существовали в ценностном и умственном вакууме. Напротив, патриотическая риторика организаторов советского исторического образования обладала выраженным прикладным измерением. То, что грозило превратить представления о прошлом в некую вещь в себе, т. е. не могло быть удачно встроено в концептуальную марксистскую модель объяснения исторического процесса, исключалось из школьных программ в пользу более идейно ёмких сюжетов. Подбор фактов для нужд образовательной работы был в меньшей мере обусловлен историографической традицией и в большей мере – соображениями педагогической прагматики.

За годы сталинского руководства гуманитарная политика большевиков претерпела заметные изменения: появились новые ориентиры идейно-политической работы, были выдвинуты новые задачи в деле нравственного воспитания и просвещения. Наглядным примером развития теории и практики управления культурой в СССР указанного периода является сюжет о становлении концепции советского патриотизма и её деятельного прикладного освоения. В представленной работе мы стремились показать прагматическую установку идеологов и руководителей советского образования на актуализацию идеи патриотизма в качестве одного из ведущих факторов мобилизации населения (военной, экономической, социальной). Исторический опыт гуманитарной политики сталинского времени ценен как пример успешного решения насущных задач формирования общественного сознания в условиях острой необходимости массовой идейно-нравственной мобилизации. Задачи такого толка регулярно возникают перед обществом современного типа, что делает актуальным внимательное и критическое изучение образовательно-просветительской работы в прошлом.

Список литературы

1. Архив Российской академии образования (АРАО).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчёт. М. : Партиздат, 1934. 716 с.
4. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. М. : Госполитиздат, 1939. 743 с.
5. *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.

6. БСЭ. Т. 49. М. : Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1941. 485 с.
7. БСЭ. 2-е изд. Т. 32. М. : Большая советская энциклопедия, 1955. 648 с.
8. БСЭ. 2-е изд. Т. 39. М. : Большая советская энциклопедия, 1956. 664 с.
9. *Весенин Е. М.* Советский патриотизм. М. : Соцэкгиз, 1938. 112 с.
10. Знамя коммунизма. 1952. № 69 (76).
11. История СССР. Т. 1 / под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. М. : ОГИЗ, 1941. 440 с.
12. История СССР : учеб. для 10 класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. 11-е изд. М. : Учпедгиз, 1952. 424 с.
13. *Калинин М. И.* О коммунистическом воспитании. М. : Молодая гвардия, 1945. 231 с.
14. *Карцов В. Г.* Методика преподавания истории СССР в начальной школе. М. : Учпедгиз, 1951. 216 с.
15. Материалы к преподаванию истории СССР. М. : Учпедгиз, 1937. 32 с.
16. Наша великая Родина / Н. Н. Михайлов, А. М. Панкратова, Б. М. Волин и др. М. : Госполитиздат, 1946. 646 с.
17. *Панкратова А.* Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 145–152.
18. Правда. 1950. № 126 (11598).
19. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны: методическое пособие для учителей средней школы Казахской ССР. Ч. 1 / под ред. А. М. Панкратовой. Алма-Ата : Наркомпрос КазССР, 1942. 134 с.
20. *Соболев А. И.* О советском патриотизме. М. : Правда, 1948. 30 с.
21. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС / под ред. А. Н. Яковлева. М. : Материк, 2005. 768 с.
22. *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне. М. : Госполитиздат, 1944. 160 с.
23. *Тихомиров Н. В.* Проблема образования русского централизованного государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 315 с. DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.008.
24. *Тихонов В. В.* Историки, идеология, власть в России XX века. М. : ИРИ РАН, 2014. 218 с.
25. *Тихонов В. В.* Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов : дис. ... д-ра исторических наук. М., 2018. 686 с.
26. *Штефель С. П.* Советский патриотизм. М. : Госвоениздат, 1939. 62 с.

Discourse on patriotism in the Soviet historical education of the post-war period

Tihomirov Nikita Vadimovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the process of formation and implementation of patriotic discourse in the context of educational and educational activities of the Soviet state in the late 1930s – early 1950s. The regularities of the formation of the ideological concept of "Soviet patriotism" as one of the key elements in the system of Soviet propaganda and agitation during this period are analyzed. The relevance of the research is due to the consistently high interest on the part of the scientific community and the public in the history of the era of Stalinism. In addition, the problem of patriotic education in modern conditions becomes particularly acute, which gives grounds for a careful study of the experience of the past and makes it in demand in the current conditions. The basis of the source base was made up of archival materials that reveal the content and internal logic of the work of Soviet historians and methodologists who participated in the organization of educational, educational and educational activities in the post-war period. The prerequisites for the integration of patriotic themes into the structure of political discourse, as well as scientific and educational spheres are shown. The key tasks solved by the Soviet leadership when addressing the patriotic theme are identified. Semantic changes in the official discourse on Soviet patriotism during the post-war development of the USSR are traced. The regularities of the formation of the semantic and content content of the concept of "Soviet patriotism" are revealed. Conclusions are drawn about the goals and ways of actualizing patriotic rhetoric in the field of education and enlightenment. The results of the study are intended to deepen and clarify the existing scientific ideas about the ideological and educational policy of the Soviet state of the Stalin period and can be used in scientific, methodological, educational work.

Keywords: ideology, I. V. Stalin, historical education, propaganda, Soviet patriotism.

References

1. Archive of the Russian Academy of Education (ARAE).
2. State Archive of the Russian Federation (SARF).
3. *XVII s'ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (b) 26 yanvarya – 10 fevralya 1934 g. Stenograficheskij otchyot* – XVII Congress of the All-Union Communist Party (b) January 26 – February 10, 1934. Verbatim report. M. Partizdat. 1934. 716 p.
4. *XVIII s'ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (b) 10–21 marta 1939 g. Stenograficheskij otchyot* – XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b) March 10–21, 1939. Verbatim report. M. Gospolitizdat. 1939. 743 p.
5. Brandenberger D. *Stalinskij russocentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.). 2-e izd., pererab. i dop.* [Stalin's Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956). 2nd ed., reprinted and add.]. M. Political Encyclopedia. 2017. 407 p.
6. BSE – Big Soviet Encyclopedia (BSE). Vol. 49. M. Soviet Encyclopedia: OGIZ. 1941. 485 p.
7. BSE. 2nd ed., vol. 32. M. Big Soviet Encyclopedia. 1955. 648 p.
8. BSE. 2nd ed. Vol. 39. M. Big Soviet Encyclopedia. 1956. 664 p.
9. Vesenin E. M. *Sovetskij patriotizm* [Soviet patriotism]. M. Socekgiz. 1938. 112 p.
10. *Znamya kommunizma* – The banner of Communism. 1952. No. 69 (76).
11. *Istoriya SSSR. T. 1* – History of the USSR. Vol. 1 / ed. by V. I. Pichet, M. N. Tikhomirov, A. V. Shestakov. M. OGIZ. 1941. 440 p.
12. *Istoriya SSSR : ucheb. dlya 10 klassa srednej shkoly* – History of the USSR : textbook for the 10th grade of secondary school / ed. by A.M. Pankratova. 11th ed. M. Uchpedgiz. 1952. 424 p.
13. Kalinin M. I. *O kommunisticheskom vospitanii* [On communist education]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 1945. 231 p.
14. Karcov V. G. *Metodika prepodavaniya istorii SSSR v nachal'noj shkole* [Methods of teaching the history of the USSR in primary school]. M. Uchpedgiz. 1951. 216 p.
15. *Materialy k prepodavaniyu istorii SSSR* – Materials for teaching the history of the USSR. M. Uchpedgiz. 1937. 32 p.
16. *Nasha velikaya Rodina* – Our great Motherland / N. N. Mikhailov, A. M. Pankratova, B. M. Volin and others. M. Gospolitizdat. 1946. 646 p.
17. Pankratova A. *Prepodavanie istorii SSSR v srednej shkole v dni otechestvennoj vojny protiv germanskogo fashizma* [Teaching the history of the USSR in secondary school in the days of the Patriotic War against German fascism] // *istoricheskij zhurnal* – Historical Journal. 1942. No. 5. Pp. 145–152.
18. *Pravda* – Truth. 1950. No. 126 (11598).
19. *Prepodavanie istorii v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny: metodicheskoe posobie dlya uchitelej srednej shkoly Kazahskoj SSR. Ch. 1* – Teaching history in the conditions of the Great Patriotic War: a methodological guide for secondary school teachers of the Kazakh SSR. Part 1 / ed. by A. M. Pankratova. Alma-Ata. People's Commissariat of the Kazakh SSR. 1942. 134 p.
20. Sobolev A. I. *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. M. Pravda (Truth). 1948. 30 p.
21. *Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK KPSS* – Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of the Agitprop of the Central Committee of the CPSU / ed. by A. N. Yakovlev. M. Materik (Mainland). 2005. 768 p.
22. *Stalin I. V. O Velikoj Otechestvennoj vojne* [About the Great Patriotic War]. M. Gospolitizdat. 1944. 160 p.
23. Tihomirov N. V. *Problema obrazovaniya russkogo centralizovannogo gosudarstva v otechestvennoj istoriografii konca 1930-h – nachala 1950-h gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [The problem of the formation of the Russian centralized state in the Russian historiography of the late 1930s – early 1950s : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 2021. 315 p. DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.008.
24. Tihonov V. V. *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka* [Historians, ideology, power in Russia of the twentieth century]. M. Institute of Russian History of RAS. 2014. 218 p.
25. Tihonov V. V. *Sovetskaya istoricheskaya nauka v usloviyah ideologicheskikh kampanij serediny 1940-h – nachala 1950-h godov : dis. ... d-ra istoricheskikh nauk* [Soviet historical science in the conditions of ideological campaigns of the mid-1940s – early 1950s : dis. ... Doctor of Historical Sciences]. M. 2018. 686 p.
26. Shtefel' S. P. *Sovetskij patriotizm* [Soviet patriotism]. M. Gosvoenizdat. 1939. 62 p.